

УДК 297

НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ СОЧИНЕНИЯ АЛ-ГАЗАЛИ. I. НАСИХАТ АЛ-МУЛУК

А.А. Хисматулин

Аннотация

В статье отражены результаты новейших исследований средневековых персоязычных сочинений, написанных в форме посланий имамом Мухаммадом ал-Газали (ум. 505/1111) в жанре назидательной литературы. Статья состоит из двух частей. В первой части даётся исторический и текстологический анализ сочинения ал-Газали *Насихат ал-мулук* («Совет владыкам»), рассматривается проблема аутентичности его так называемой «второй части» и наглядно демонстрируется, что эта часть перу имама не принадлежит, а была присоединена к аутентичному тексту средневековым фальсификатором.

Ключевые слова: *Насихат ал-мулук, Сийар ал-мулук, Сийасат-нама*, ал-Газали, Низам ал-мулк, Санджар, исмаилиты, Салджукиды.

Проблема аутентичности ряда сочинений, написанных в эпоху Салджукидов (XI – XII вв.) на персидском языке в жанре назидательной литературы (“the Mirrors for Princes”), в последнее время обсуждается как в западной иранистике, так и среди иранских специалистов по этому периоду. В первую очередь речь идёт о сочинениях, приписываемых имаму ал-Газали.

Существует совершенно чёткий и объективный критерий, по которому можно оценивать их аутентичность. Этот критерий был подсказан самим ал-Газали в предисловиях к его поздним произведениям. Будучи уже именитым учёным и автором многочисленных сочинений, он не говорит о себе прямо, как об авторе, а ссылается на свои предыдущие и всем известные книги. Иными словами, всё то, о чём он писал в своих небольших трактатах под конец жизни, должно находить подтверждение в его многотомных сочинениях, таких как арабоязычное *Ихйа’ ‘улум ал-дин* («Воскрешение религиозных наук») и персоязычное *Кимийа-йи са’адат* («Эликсир счастья»).

Правомерность такого критерия определения аутентичности подтверждается на практике исследованием его немногочисленных и небольших по объёму сочинений, написанных им по-персидски незадолго до смерти в 505/1111 г., а именно: *Зад-и ахират* («Путевой припас для грядущей жизни»), *Эй, фарзанд* («О дитя»), оригинальная часть *Насихат ал-мулук* («Совет владыкам/правителям»). Эти сочинения представляют собой авторскую рекомпиляцию и сокращение ранее опубликованного материала в зависимости от заявленной темы и адресата. Иначе говоря, можно смело утверждать, что под конец жизни ал-Газали не проводил никаких исследований с использованием новых источников, которые

не привлекались бы им ранее в текстах *Ихйа' 'улум ал-дин* и *Кимийа-йи са'адат*. На основании этого критерия оценки аутентичности его работ выделяется сочинение, где упоминаются источники, которыми ал-Газали никогда прежде не пользовался. Речь идёт о «второй части» *Насихат ал-мулук*.

Так называемая «вторая часть» *Насихат ал-мулук* (далее НМ2) – это семь глав, которые по общему объёму превосходят «первую часть» (далее НМ1) в три раза. Проблема их аутентичности детально обсуждалась Джалал ал-дином Хума'йи (Jalal al-din Huma'i) в предисловии к критическому изданию этого текста [1], а также Патришией Кроун (Patricia Crone) в статье, опубликованной двадцать пять лет назад [2], и относительно недавно – Насруллою Пурджавади (Nasrollah Pourjavady) [3, s. 413–424]. В этих работах акцент и выводы исследователей делались главным образом на основе текстологического анализа НМ2 в сравнении с НМ1 и другими сочинениями ал-Газали, принадлежность которых его перу не вызывает никаких сомнений. Ниже проблема аутентичности НМ2 с учётом результатов текстологических исследований рассматривается в контексте исторической ситуации, которая привела к появлению как подлинного текста *Насихат*, так и присоединённой к нему позже «второй части». К сожалению, эта проблема никак не учитывается при публикации русских переводов *Насихат* (НП), чем отчасти и вызвано появление настоящей статьи.

Следует отметить отдельно, что для более или менее полной оценки событий, происходивших более 900 лет тому назад, необходимо учитывать выводы, сделанные в связи с подделкой и ложной атрибуцией авторству Низам ал-мулка (уб. 485/1092) текста *Сийасат-нама* (سياستنامه)/*Сийар ал-мулук* (الملوك سير), которые были совершены главой придворных поэтов салджукидского султана Малик-шаха (отравлен в 485/1092), а также писцом-каллиграфом его личного архива «амиром поэтов» (*Амир ал-иу'ара*) Мухаммадом Му'иззи Нишапури [4].

Исторический контекст

Исторический контекст, в котором был написан *Насихат ал-мулук*, отражён в четырёх письмах ал-Газали. Их содержание и комментарий средневекового составителя сборника указывают на ряд важных деталей: на дату и причину написания оригинального текста, на адресата и место, где к тексту могла быть добавлена «вторая часть». Эти письма представляют хронологию событий, произошедших в 503/1109 г. после того, как ал-Газали попросился в отставку, прекратив преподавание в нишапурской Низамийи.

Причиной отказа от дальнейшего преподавания был, очевидно, не возраст имама (к тому времени он составлял всего лишь 53 лунных года). После возвращения ал-Газали в общественную жизнь из 11-летних странствий и отшельничества его оппоненты при дворе малика Санджара (ум. 552/1157), сына Малик-шаха, начали плести вокруг него интриги, которые только усилились после убийства в 500/1106 г. его покровителя Фахр ал-мулка – вазира (министра) Санджара и сына хаджи Низам ал-мулка. На свет божий был извлечён студенческий конспект ал-Газали, сохранившийся со времён учёбы в Нишапуре (473/1080–478/1085). В связи с этим конспектом ал-Газали через посыльного вызвали в ставку Санджара.

В первом письме имам настоятельно просит избавить его от визита в ставку, таким образом отказываясь от объяснений по поводу конспекта 30-летней давности, который он в своё время озаглавил *ал-Манхул мин та'лик ал-усул* («Про-сеянное из конспекта к основам [фикха]»).

Однако, подстрекаемый злопыхателями и заинтригованный восторженными рассказами защитников имама при дворе, Санджар ещё раз направляет посыльного, приказывая ал-Газали прибыть в ставку, которая располагалась в поселении Туруг недалеко от усыпальницы (*машхад*) имама Ризы и города Тус, где жил имам. Ал-Газали, подчинившись, является на приём к малику. Там он произносит настолько проникновенную речь, что по окончании приёма Санджар просит ал-Газали собственноручно её записать и передать ему. Запись этой речи и составляет второе письмо имама.

Получив текст выступления, Санджар в качестве знака внимания и благосклонности посылает автору охотничий трофей, добытый им самим. Ал-Газали, оценив его внимание, в ответ составляет *Насихат ал-мулук*, на заднике которого делает небольшую приписку, восстанавливая хронологию событий в связи с *ал-Манхул мин та'лик ал-усул*. Эту приписку, изначально прилагавшуюся к оригинальному тексту *Насихат*, можно считать третьим письмом имама Санджару. Оно **никогда** (!) не публиковалось вместе с текстом.

После этого с почестями и полностью оправданный ал-Газали возвращается в родной Тус. Оппоненты при дворе передают ему перечень вопросов, возникших у них при чтении его сочинений. Он даёт на них письменный ответ, представленный в четвёртом письме. На этом развитие событий в связи с *Насихат ал-мулук* на какое-то время приостанавливается.

Таким образом, место действия и обстоятельства, известные из комментария составителя сборника писем и побудившие ал-Газали написать первые три письма, совершенно определённо говорят о том, что *Насихат* был написан автором в благодарность за охотничий трофей, посланный ему Санджаром. И адресатом *Насихат* являлся именно Санджар, а не его единоутробный брат Гийас ал-дин Мухаммад-Тапар б. Малик-шах. Последний, хотя и считался номинально правителем всего государства Салджукидов, фактически правил до своей смерти (24.12.511/17.04.1118) лишь его западными территориями со столицей в Исфахане и едва ли вмешивался во внутренние хурасанские проблемы. Имя Мухаммада б. Малик-шаха появляется в записях, которые предваряют арабские переводы *Насихат ал-мулук*, вызывая у исследователей дополнительные вопросы.

Объём текста

Исторический контекст показывает, что объём подлинного *Насихат ал-мулук* должен был быть довольно небольшим, чтобы автор успел написать и отправить текст в сжатые сроки после получения охотничьего трофея от малика Санджара (скажем, в течение 2–5 дней). Такая задача могла быть решена только одним способом – путём компиляции материала, взятого из книг, которые были написаны имамом ранее, без каких-либо новых исследований и без привлечения новых источников. В противном случае составление ответа заняло бы у ал-Газали уйму времени. Если же принять в расчёт НМ2, то по объёму он занимает три четверти от сводного текста, при этом в нём использованы источники, большинством

из которых ал-Газали никогда прежде не пользовался, да и не мог пользоваться в силу своей профессиональной и религиозной ориентации.

Состоящий из двух частей, *Насихат ал-мулук* выглядит как полноценная книга – правда, без традиционного предисловия. Стандартное предисловие в средневековых мусульманских текстах в идеальном виде отвечало на несколько вопросов: кем является сам автор, что побудило его приступить к написанию книги (обоснование), в какой форме написана книга (шаблонный *та'лиф* или новаторский *тасниф*), как автор собирается решить поставленные задачи (методология). В случае с *Насихат* мы получаем ответы на большинство из этих вопросов из комментария составителя сборника писем (что обычно и для издания современных сборников писем после смерти их авторов). Таким образом, в традиционном предисловии здесь нет никакой необходимости. А его замена краткими предисловиями средневековых компиляторов и редакторов, которые предваряют отдельные «издания» и арабские переводы *Насихат*, пытаясь так или иначе ответить на стандартные вопросы традиционного предисловия, ещё раз подтверждает тот факт, что текст был частью корреспонденции имама и в силу эпистолярного жанра не требовал от него авторского предисловия.

По-видимому, отсутствие предисловия стало одной из причин, по которой Джалал ал-дин Хума'йи отвёл его роль НМ1. Поскольку НМ1 был изъят из переписки имама, начав самостоятельную жизнь, то представляется маловероятным, чтобы ал-Газали сам как-то озаглавил его. Скорее всего, заглавие НМ1 было дано уже после смерти автора. Оно может быть понято и переведено и как «Совет(ы) владыкам/правителям», и как «Совет(ы) владык/правителей». Второе понимание в точности соответствует содержанию НМ2.

Есть ещё одно косвенное свидетельство, дающее представление об объёме аутентичного текста. В тексте НМ1 появляется выражение, казалось бы, ничем не примечательное и при иных обстоятельствах само собой разумеющееся. Имеется в виду обращение ал-Газали к Санджару: «Когда взойдёт солнце, скажи кому-нибудь прочитать тебе написанное здесь и чтобы каждую пятницу тебе читали это вновь и вновь, пока оно не отложится у тебя в памяти» (NM, s. 4).

Конечно, нет ничего нереального в том, что средневековым султанам (как, впрочем, и нынешним чиновникам рангом повыше) поступающую корреспонденцию могли зачитывать третьи лица. Но, по собственному признанию Санджара в письме, опубликованном иранским В. Бартольдом средневековой историографии 'Аббасом Икбалом Аштийани (1896–1956), он был абсолютно неграмотным, то есть не умел ни читать, ни писать, о чём все прекрасно знали: «Известно, что мы не умеем читать и писать» [5, s. 316]. И со стороны ал-Газали было бы неуважением рекомендовать Санджару запоминать на слух свой текст в объёме, возрастающем на три четверти из-за НМ2, да ещё со всеми бесчисленными именами, которые там приводятся. Вторая часть явно для запоминания не годится.

Процедура официальной переписки

Выступление первого лица государства в качестве адресата *Насихат ал-мулук* говорит о дальнейшей судьбе сочинения. Каждый салджукский султан имел личное хранилище, или архив (خاص خزانه), где копировалась и хранилась

корреспонденция, адресованная лично ему. Как приватное послание, *Насихат* должен был пройти обычную бюрократическую процедуру делопроизводства и попасть в распоряжение писца, ответственного за переписку каллиграфическим почерком приватной корреспонденции для архива. После смерти ал-Газали аутентичный текст мог быть там же дополнен «второй частью».

Текстологический анализ

В качестве единственного весомого аргумента в пользу принадлежности «второй части» текста перу ал-Газали Хума'йи в своём исследовании, предвещающем издание *Насихат*, приводит упоминание средневековыми литературоведами двухчастной композиции этого произведения, а также появление его арабского перевода под названием *ал-Тибр ал-масбук фи-насихат ал-мулук* («Отлитая руда в совете владыкам») уже во второй половине VI/XII в., то есть спустя чуть меньше века после смерти ал-Газали. Вопрос о том, что в переписку и перевод могла попасть подделка, Хума'йи даже не рассматривался.

В то же время на основании текстологического анализа Хума'йи приводит 11 убедительных аргументов против принадлежности НМ2 перу имама [1, s. 72–80]. Все эти контраргументы были позже тщательно изучены и подтверждены П. Кроун и Н. Пурджавади. Они же обратили внимание на наличие в рукописных хранилищах списков НМ2, существующих отдельно и под совершенно другим названием. Кроме того, Кроун отметила серьёзное расхождение в религиозной и идеологической подготовке авторов двух частей, дав их совершенно разные социальные портреты (см. ниже). К уже приведённым контраргументам можно добавить ещё несколько.

На склоне лет ал-Газали, компилируя короткие трактаты эпистолярного жанра (*рисала*), по крайней мере персоязычные, не вводил в их ткань сведения из новых источников. Для каждой следующей *рисалы* он использовал выдержки из уже написанных им самим трудов, всякий раз слегка по-иному упорядочивая материал в зависимости от заявленной темы и адресата. Хума'йи же в своём исследовании выделяет как минимум 11 сочинений, использованных для компиляции НМ2 и не принадлежащих перу имама [1, s. 85–92].

Как показывает анализ содержания НМ1, литературоведческий замысел ал-Газали был довольно прост. Для своего в прямом смысле неграмотного адресата имам взял за доминанту коранический образ древа и раскрыл его с религиозной точки зрения: «Разве ты не видел, как Аллах уподобляет прекрасную фразу прекрасному дереву, чьи корни прочны и чьи ветви в небесах?» (Коран, 14: 24). Под «прекрасной фразой» (*калимат таййиба*) в суфийской традиции обычно понимается формула вероисповедания (*шахада*): «Нет бога кроме Аллаха, Мухаммад – Посланник Аллаха». Чтобы полностью раскрыть этот образ, имам использовал уже написанные им сочинения, основным из которых является *Кимийа-йи са'адат* (см. табл. 1).

Несмотря на цейтнот, в котором работал имам, образ древа, простой и понятный любому, получился у него вполне законченным и исключаящим необходимость что-либо к нему добавлять (особенно в виде семи глав НМ2).

Табл. 1

Содержание и источники НМ1

Содержание НМ1	Источники НМ1	
	<i>Кимийа-йи са'адат</i>	<i>Ихйа' 'улум ал-дин</i>
Предисловие	–	–
Начало корней убеждения. Десять основ	1-я глава 1-го тома	–
Начало ветвей веры. Десять основ	10-я глава 2-го тома	–
Источники, из которых питается древо веры	Начало 10-й главы 2-го тома	–
Источник первый. Десять примеров	3-й 'унван	6-я, 7-я книги 3-го тома
Источник второй. Пять рассказов	10-я глава 4-го тома	7-я книга 3-го тома, 10-я книга 4-го тома

Третья глава НМ2 под названием «Упоминание о *дабирах*¹ и их искусстве», включающая в себя патетические рассуждения о дабирах-писцах и их ремесле, об особенностях пера, о профессиональных приёмах при его очинке, о ноже и точиле, которые надо при этом использовать, об условиях хранения калама и т. д., со всей очевидностью свидетельствует о роде занятий автора НМ2, а отнюдь не о глубоком интересе ал-Газали к ремеслу писцов.

И наконец, представляется абсолютно невероятным, чтобы шафиитский имам оправдал подлог письма, как это сделал автор НМ2 в четвёртой главе, рассказывая про одного образованного иракца, который во время правления Харуна ал-Рашида (170/786–193/809), обанкротившись и решая свои финансовые проблемы, пошёл на подделку письма от имени одного высокопоставленного чиновника в адрес другого (НМ, s. 211–215). В факте подделки автор НМ2 просто не увидел ничего предосудительного.

Портрет автора НМ2

На основе текстологического анализа П. Кроун даёт в результате такой портрет автора НМ2: а) возраст – «молодой современник ал-Газали»; б) профессиональная подготовка – «отнюдь не религиозный учёный, ещё менее мыслитель»; с) национальная принадлежность – «иранец, точнее, иранский националист»; d) религиозные приоритеты – «зороастризм»; е) формальный религиозный статус – «суннит, возможно ханафит»; f) род занятий – «предположительно секретарь (*дабир*)» [2, p. 178, 180, 187, 189].

Можно дополнить этот социальный портрет деталями, явно проступающими из текста НМ2: g) образованный иранец, который по меньшей мере любил персидскую и арабскую поэзию, а возможно, и сам писал стихи; h) он выучил какое-то количество арабских цитат, взятых из Корана и хадисов, для иллюстрации своих высказываний; i) набор используемых в НМ2 обращений («О Султан ислама», «ты», «О (со)брат») может указывать на неформальные отношения

¹ *Дабир* (دبیر) – письмоводитель, секретарь у высокопоставленных чиновников в раннем мусульманском Средневековье.

между ним и его адресатом, которым, без сомнения, являлся салджукидский правитель высокого ранга, поскольку автор НМ2 восхваляет эту династию как действующую (NM, s. 183–184).

Данный портрет даёт вполне достаточные основания считать автора НМ2 *надимом* (букв. ‘наперсник’) этого правителя, так как те же самые характеристики для получения должности *надима* приводятся Кайкавусом б. Искандаром (V/XI в.) в его знаменитом назидательном сочинении к сыну *Кабус-нама* («Письмо Кабуса»), которое он начал писать в 475 г. х. Среди прочего кандидат на должность *надима* должен: 1) быть хорошо знаком с секретарскими обязанностями (*дабири*); 2) знать арабскую и персидскую поэзию, даже если сам он не поэт, и быть в состоянии процитировать что-то в подходящий момент; 3) хранить в памяти большое число разных историй и рассказов; 4) знать, как играть в поло и шахматы; 5) знать Коран, его толкования и (частично) фикх и мусульманскую традицию, чтобы при необходимости суметь ответить на вопрос правителя; 6) быть начитанным в «житийной» литературе правителей (*сийар-и мулук*) (QN, s. 203–204). Последнее требование особенно примечательно в контексте данного анализа.

Таким образом, если не рассматривать присоединение НМ2 к сочинению ал-Газали как случайное, произошедшее во время одной из ранних средневековых переписок, что также нельзя сбрасывать со счетов, то мозаичный текст НМ2 отражает взгляды отнюдь не ал-Газали, а придворного *надима*, который, присвокупив свой текст к аутентичному тексту шафиитского имама, сделал из него религиозного либерала-иранофила.

Как отмечает Низами ‘Арузи Самарканди (VI/XII в.) в *Чахар макала* («Четыре беседы»), «все Салджукиды любили поэзию», а некоторые из них предпочитали иметь в качестве *надимов* только поэтов. В числе последних на службе состоял и «амир поэтов» (امير الشعرا), самый известный придворный поэт династии Салджукидов Мухаммад Му‘иззи Нишапури. В своё время он к тому же вошёл в круг *надимов* отца Санджара султана Малик-шаха (ChM, s. 71–72). К моменту, когда ал-Газали направил Санджару НМ1, Му‘иззи служил двору уже около 30 лет, «по совместительству» работая панегиристом, каллиграфом и писцом личного архива, то есть совмещая в одном лице несколько должностей (вполне обычная практика для салджукидских чиновников).

Убийство Низам ал-мулка и последовавшее через месяц отравление Малик-шаха в 485/1092 г. привели к развалу двора Малик-шаха. Поэтому, вне всяких сомнений, как и многие другие чиновники администрации Малик-шаха, Му‘иззи потерял не только свою основную работу в качестве руководителя департамента поэтов-панегиристов, но и совмещаемые с ней должности каллиграфа и писца личного архива султана, а также свой статус *надима* Малик-шаха.

Не зная, кто победит в начавшихся после смерти Малик-шаха междоусобных войнах, Му‘иззи предусмотрительно (что называется, «и вашим и нашим») на протяжении 13 лет междоусобиц писал хвалебные касиды всем многочисленным претендентам на салджукидский престол, всякий раз извиняясь перед временным победителем за то, что прежде расхваливал побеждённого. Поэтому к 498/1105 г., когда междоусобные войны завершились решительной победой и воцарением единокровного брата Санджара султана Мухаммада-Тапара

б. Малик-шаха, Му‘иззи со своей «византийской» политикой едва ли мог рассчитывать сразу на получение статуса наперсника-*надима* при ком-то из братьев. Этот статус, похоже, давал возможность не только вести разгульную жизнь при правителе, но и знать обо всех придворных интригах и, вероятно, как-то влиять на их исход. Иными словами, статус *надима* обеспечивал его обладателю безопасность при дворе.

Как было показано ранее [4], все свидетельства указывают на то, что именно Амир Му‘иззи являлся первым «переписчиком» и издателем *Сийасат-нама/Сийар ал-мулук*, «творчески переработавшим» для этого должностные инструкции в «трудовом договоре» Низам ал-мулка с Малик-шахом и приписавшим получившийся в результате текст авторству Низам ал-мулка. В своей подделке он, надо сказать, применил весьма инновационный подход, соединив в одном тексте два совершенно различных жанра: жанр написания контрактных и юридических документов и жанр обычной для того времени повествовательной прозы.

В то же время при описании источников, которыми пользовался автор НМ2, Хума’йи выделил в общей сложности 14 фрагментов, напрямую и дословно заимствованных из *Сийар ал-мулук*. На этом основании он посчитал, что ал-Газали заимствовал куски текста из сочинения Низам ал-мулка. Однако интереснее другое: автор НМ2 единожды напрямую сослался на свой источник, и это первая ссылка, говорящая о существовании *Сийар ал-мулук* Низам ал-мулка. Все последующие ссылки на этот текст появляются в независимых источниках (к которым НМ2 причислить нельзя) лишь спустя столетие. По-видимому, это происходит в результате краха империи Салджукидов и после того, как их архивы тем или иным образом попадают к переписчикам и книготорговцам, а от них – к историкам и литературоведам.

Исходя из этой ссылки на *Сийар ал-мулук* и переписанных оттуда фрагментов, можно предположить, что оба текста были в распоряжении у одного человека, то есть у Амира Му‘иззи. Такое предположение выглядит вполне обоснованным, если к тому же учесть манеру «редактирования», идентичную в обоих случаях (путём добавления к оригинальному тексту, так сказать, «иллюстративного ряда» – компиляции из разных историй, порой без единого слова от автора).

На его причастность к компиляции НМ2 косвенно указывает составитель сборника писем ал-Газали, который в своём комментарии говорит о том, что оппоненты имама при дворе науськали против него «одного магрибинца». Этот «магрибинец» был определённо вхож в самое ближайшее окружение султана Санджара, раз оппоненты ал-Газали сделали ставку именно на него. Вполне возможно, что речь идёт о той же самой *нисбе* Му‘иззи (معزي), искажённой переписчиком в предисловии к *Сийар ал-мулук* и превратившей Му‘иззи в Магриби (مغربي).

Причина компиляции НМ2 и его присоединения к НМ1

В своём исследовании и издании текста Хума’йи основывался как на персидских и арабских списках, содержащих только НМ1, так и на списках с присоединённым к нему НМ2. Найденные затем в рукописных коллекциях списки НМ2, существующие отдельно под совершенно другим названием (скорее всего, атрибутивным из-за отсутствия авторского предисловия) и отождествлённые

с ним, привели П. Кроун и Н. Пурджавади к выводу о том, что НМ2 – *это компиляция неизвестного автора, изначально написанная по-персидски и присоединённая к НМ1 уже во второй половине VI/XII в.* Исследователи разошлись лишь в одном: произошло ли присоединение случайно или преднамеренно.

По мнению Н. Пурджавади, это произошло *случайно* при ранней переписке двух независимых друг от друга текстов, когда название второго текста было пропущено или вовсе отсутствовало, потому что «присоединения такого рода, делавшиеся переписчиками, можно увидеть и в произведениях других авторов» [3, s. 415].

А вот П. Кроун склонна считать, что НМ2 – это «практическое добавление» (a practical complement) к НМ1, *преднамеренно* сделанное средневековым фальсификатором и приписанное ал-Газали в течение короткого времени после его смерти [2, p. 190–191].

Поскольку представляется маловероятным, что имя ал-Газали было использовано случайно, непреднамеренно, вывод П. Кроун выглядит более убедительным, хотя исследовательница нигде не поясняет, что в данном случае подразумевает собой определение «практическое». За этим определением может скрываться вполне конкретное историческое событие, которое подвигло автора НМ2, как и ал-Газали в случае с НМ1, скомпилировать свой текст и которое должно быть отражено в этом тексте. А отсутствие авторского предисловия и факт присоединения текста к НМ1 это только подтверждают. Содержание НМ2 создаёт общее впечатление, что его адресат, некий салджукский правитель, столкнулся с проблемой выбора, а автор НМ2 пытается помочь ему решить эту проблему.

В первой главе НМ2 адресату предлагается взять за образец жизнь зороастрийских правителей – обычная ностальгия по минувшим временам. Вторая глава демонстрирует отличия между достойными и недостойными вазирами, особо выделяются при этом вазирь из рода Низам ал-мулка в качестве самых достойных на текущий момент (NM, s. 184). Самая короткая третья глава посвящена секретарям-*дабирам* и их искусству. Очевидно, она включена в текст с целью самовосхваления автора НМ2 и демонстрации его умений и достоинств. Следующая глава, насыщенная различными поучительными историями, раскрывает значение слова *химмат*, которое автор НМ2 объясняет и понимает как материальное проявление великодушия и щедрости правителей по отношению к своим подчинённым (включая, разумеется, и его самого). Такое понимание в корне отличается от понимания этого слова имамом ал-Газали, в аутентичных сочинениях которого его семантика не выходит за рамки значений ‘рвения’, ‘энергии’ и т. п. Здесь примечателен совет автора НМ2: любой из правителей, кто не обладает этими качествами, должен выучиться им у своих вазиров и *надимов*. Пятая глава представлена длинным перечнем высказываний и афоризмов, касающихся мудрости. В отличие от предыдущих глав, где автор хоть как-то проявлялся в виде кратких ремарок и пояснений, в этой главе, похоже, нет ни единого слова, сказанного им самим. Шестая глава описывает благородство разума, который был в особой чести и которым руководствовались Сасаниды и иные правители, когда принимали какие-то важные решения. И, наконец, седьмая глава полностью посвящена женщинам. В ней есть интересный заключительный раздел с авторскими рекомендациями по выбору жены и выдаче замуж дочерей.

Если резюмировать сказанное, то посредством текста НМ2 автор советует следующее: правь так, как это делали справедливые зороастрийские правители; при назначении вазира предпочитай кандидатов из рода Низам ал-мулка; цени автора НМ2 и будь щедр в одаривании своих подчинённых (в первую очередь, конечно, автора); будь мудрым правителем; принимай решения, используя свой разум; поступай вопреки тому, что советуют женщины. «Знающим и рассудительным людям надо обязательно быть осмотрительными при выборе жены и выдаче дочери замуж, в особенности взрослой дочери, чтобы не опозориться, не подвергнуться порицанию и не оказаться в затруднительной ситуации» (НМ, s. 285) – эти советы могут отражать два события из позднего периода истории Салджукидов.

В 518/1124 г. султан Санджар выдаёт дочь Мах-и Мулк-хатун замуж за своего племянника Махмуда, сына покойного брата Гийас ал-дина Мухаммада, и издаёт указ, по которому при жизни назначает Махмуда будущим престолонаследником. Это было сделано по настоянию Тадж ал-дин-хатун, матери Санджара и бабушки Махмуда. А годом ранее по приказу могущественного дяди Махмуд казнил своего премьер-вазира Шамс ал-мулка, пятого сына Низам ал-мулка, тем самым на целый год оставив себя без вазира [5, s. 187, 266–268].

Таким образом, с более или менее специфическими деталями повторилась описанная в связи с *Сийар ал-мулук* история Малик-шаха, его жены Туркан-хатун с малолетним сыном и убийства Низам ал-мулка, которое было совершено при непосредственном участии Тадж ал-мулка – непримиримого соперника Низам ал-мулка при дворе и одновременно тайного агента и заместителя лидера иранских исмаилитов Хасана б. ал-Саббаха [4]. Поэтому нет ничего неожиданного в обнаружении ещё одной политической фигуры, которая повторила роль Тадж ал-мулка, спланировав и реализовав такое развитие событий.

Этой фигурой, по утверждению многих историографов, был самый жестокий и коварный министр за всю историю Салджукидов – Кавам ал-дин Абу-л-Касим Даргазини (казнён в 527/1133). Именно он организовал заговор с целью дискредитации Шамс ал-мулка в глазах Санджара и Махмуда, чтобы избавиться от него и занять его место. Именно он за несколько лет до 518/1124 г. был формально направлен Махмудом в ставку Санджара в качестве официального посла и представителя Махмуда для отстаивания его интересов (и, конечно, своих собственных).

По мнению Джалал ал-дина Мухаддиса Урмави, редактора и комментатора персидского сочинения *Ба'зи масалиб ал-навасиб* («Кое-что из клеветы шиито-ненавистников»), написанного 'Абд ал-Джалилом Казвини Рази, шиитским автором VI/XII в., «каждый из салджукидских султанов, вазиров и амиров, собравшись устранить своего конкурента и уничтожить своего соперника, сговаривался с исмаилитами – Хасаном Саббахом и его последователями – и свергал его с их помощью» [6, s. 285].

Едва ли данный вывод можно распространить на всю высшую администрацию Салджукидов без исключений. Но со всей очевидностью он справедлив не только в случае с Тадж ал-мулком, который добился успеха в борьбе с Низам ал-мулком с помощью исмаилитов, но и в случае с Абу-л-Касимом Даргазини. Последний был также иранцем по происхождению и исмаилитом по вероубеждению, что отнюдь не говорит о его человеческих качествах: он всегда

достигал корыстных целей чужими руками, подвигая других выполнять для него грязную работу и продвигаясь вперёд при участии исмаилитов. Поэтому многие из его потенциальных соперников при дворе даже не рисковали вставать у него на пути.

Автор НМ2 мог присовокупить к НМ1 это «практическое добавление», серьёзно опасаясь за свою жизнь (так же как и другие придворные), поскольку данные в нём практические советы шли вразрез с намерениями и устремлениями Даргазани. С другой стороны, П. Кроун абсолютно права, когда пишет, что автор НМ2 «не делает ни единой попытки подстроиться под стиль ал-Газали» [2, р. 190]. Скорее всего, он как раз и стремился ясно показать, что между двумя частями, кроме общего адресата, нет никакой связи, и тем самым отчётливо выделить советы, касающиеся вполне конкретной ситуации, которая возникла при описанных выше обстоятельствах.

Выводы

Вовлечённость любого человека, жившего в эпоху Салджукидов, в политические события того времени можно смело оценивать по одному основному критерию – отношению к восставшим исмаилитам. Многие иранцы в той или иной степени принимали их сторону, видя (а зачастую и чувствуя на себе) последствия бесконечных дворцовых интриг и междоусобных войн тюрок Салджукидов в борьбе за власть. Лавировать и выживать в столь непростых условиях человеку, состоявшему на государственной службе у Салджукидов, очевидно, было крайне непросто. Поэтому не было ничего необычного в том, чтобы с корыстными, идеологическими или иными мотивами втянуть видного учёного или государственного деятеля в политические распри помимо его воли как при жизни, так и после смерти путём редактирования и дописывания его сочинений.

Если в случае с подделкой и ложной атрибуцией *Сийар ал-мулук* можно поставить точку, то в случае с *Насихат ал-мулук* можно лишь с определённой долей уверенности предполагать руку Му'иззи: фактов, свидетельствующих о том, что именно он дописал аутентичный текст ал-Газали, всё же недостаточно для стопроцентной уверенности в его причастности. Если автором подделки всё-таки является Му'иззи, то он мог скомпилировать и присоединить свой текст к НМ1, находясь уже по всем меркам в преклонном возрасте (около 80), между 517/1123 и 518/1124, незадолго до своей смерти². В таком случае сфабрикованный текст возник не позднее чем через 14–15 лет после того, как ал-Газали послал аутентичную часть султану Санджару. Пролежав либо в личном архиве Му'иззи, либо в архиве Санджара, подделка была переписана и переведена на арабский уже после смерти Му'иззи или после краха империи Салджукидов, что, собственно говоря, и подтверждается независимыми источниками, чьи сообщения как о *Сийар ал-мулук*, так и о *Насихат ал-мулук* появляются приблизительно в одно и то же время. С другой стороны, исторические события, отражённые в письмах ал-Газали, в связи с неоднократными попытками

² Точная дата смерти Му'иззи неизвестна. Её диапазон основывается на аргументированных выводах 'Аббаса Икбала, который исходил из анализа исторических хроник [5, s. 261–262, 271] и содержания *Дивана* поэта (DM, s. 324–332).

фальсификации его текстов подвигли его самого или, скорее всего, его учеников сделать копии с аутентичной части *Насихат ал-мулук*, поэтому на сегодня мы располагаем двумя версиями этого текста.

Summary

A.A. Khismatulin. The Mirrors for Princes Writings by al-Ghazali. I. Nasihat al-Muluk.

The paper is aimed to reflect modern ideas about the medieval Persian-language epistles (*risala*) composed by Imam al-Ghazali (d. 505/1111) in the genre of the mirrors for princes. The paper consists of two parts. The first part deals with the historical and textual analysis of al-Ghazali's *Nasihah al-Muluk* (Counsel for Kings) and considers the problem of authenticity of its so-called "second part". It is clearly demonstrated that this part was not written by Imam al-Ghazali, but was added to the authentic text by a medieval falsifier.

Keywords: *Nasihah al-Muluk, Siyar al-Muluk, Siyasat-nama*, al-Ghazali, Nizam al-Mulk, Sanjar, Ismailis, Seljuqs.

Источники

NM – *Al-Ghazzali M. Nasihat al-muluk / Ba tashih-i J. al-din Huma'i*. – Tehran: Intisharat-i Babak, 1361/1982. – 529 s.

НП – *Аль-Газали А.Х. «Наставление правителям» и другие сочинения*. – М.: Ансар, 2004. – 320 с. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/persien.html>, свободный.

QN – *Kaykawus b. Iskandar b. Qabus b. Washmgir. Qabus-nama / Ba tashih-i G.-H. Yusufi*. – Tehran: Shirkat-i intisharat-i 'ilmi wa farhangi, 1385/2006. – 609 s.

ChM – *Ahmad b. 'Umar b. 'Ali Nizami 'Aruzi Samarqandi. Chahar maqala / Ba tashih-i M. Mu'in*. – Tehran: Sida-yi mu'asir, 1382/2003. – 140 s.

DM – *Mu'izzi A. Diwan-i Amir al-shu'ara-yi Muhammad b. 'Abd al-Malik-i Nishaburi mutakhallis ba Mu'izzi / Ba tashih-i 'A.I. Ashtiyani*. – Tehran: Kitabfurushi-yi Islamiyah, 1319/1940. – 832 s.

Коран – *Коран / Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского*. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 714 с.

Литература

1. *Huma'i J. al-din. Muqaddima-yi kitab // Al-Ghazzali M. Nasihat al-muluk*. – Tehran: Intisharat-i Babak, 1361/1982. – S. 1–196.
2. *Crone P. Did al-Ghazali write a Mirror for Princes? On the authorship of Nasihat al-muluk // Jerusalem Studies of Arabic and Islam*. – 1987. – V. 10. – P. 167–191. – URL: <http://www.ghazali.org/articles/crone-1987.pdf>, свободный.
3. *Pourjavady N. Du mujaddid: pazhuhishha-yi dar bara-yi Muhammad-i Ghazzali wa Fakhr-i Razi*. – Tehran: Markaz-i nashr-i danishgahi, 1381/2002. – 618 s. – URL: <http://www.ghazali.org/articles/dom-mujadid-prvw.pdf>, свободный.
4. *Khismatulin A. To Forge A Book in the Medieval Ages: Nezām al-Molk's Siyar al-molūk (Siyāsāt-nāma) // J. Persianate Stud.* – 2008. – V. 1, № 1. – P. 30–66.
5. *Ashtiyani 'A.I. Wazarat dar 'ahd-i salatin-i buzurg-i saljuqi: az tarikh-i tashkil-i in silsilah ta marg-i Sultan Sanjar (432–552) / Ba tashih-i M.-T. Danishpazhuh, Y. Zuka'*. – Tehran: Intisharat-i danishgah-i Tehran, 1338/1959. – 361 s.

6. *Jalal al-din Muhaddith Urmawi*. Ta'liqat-i Naqz. – Tehran: Anjuman-i athar-i milli, 1358/1979. – Jild 1. – 608 + 56 s.

Поступила в редакцию
17.05.12

Хисматулин Алексей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Ближнего и Среднего Востока, Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: *khism@mail.ru*